

На правах рукописи

АЮШЕЕВА ЭРЖЕНА БАИРОВНА

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БУДДИЙСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ И
МОТИВОВ В ЗАПАДНОБУРЯТСКОЙ ГЭСЭРИАДЕ**

Специальность 10.01.09 – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН) в отделе литературоведения и фольклористики

Научный руководитель:	Дампилова Людмила Санжибоевна, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»
Официальные оппоненты:	Неклюдов Сергей Юрьевич, доктор филологических наук, профессор Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» Санжеева Лариса Цырендоржиевна, доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»
Ведущая организация:	ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова»

Защита состоится «09» декабря 2020 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, 25а и на официальном сайте института: <http://imli.ru/index.php/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/4187-funktsionirovanie-buddijskikh-personazhej-i-motivov-v-zapadnoburyatskoj-geseriade>.

Автореферат диссертации разослан « ____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

Говенько Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Героический эпос о Гэсэре считается венцом эпического творчества и наиболее крупным памятником фольклорного наследия бурятского народа. Варианты этого сказания зафиксированы практически на всей территории этнической Бурятии и записаны от представителей разных родоплеменных групп. В отличие от кратких восточных прозаических версий, улигеры западной бурятской эпической традиции бытовали в устной стихотворной форме: они насчитывают десятки тысяч строк, характеризуются полнотой повествования и сохранностью архаичной мифологической основы. Параллельно с восточной бурятской и особенно монгольской эпическими традициями, испытавшими осязаемое буддийское влияние, западнобурятские эпические тексты также демонстрируют буддийские вкрапления в виде отдельных персонажей и реалий, однако эти элементы в значительно меньшей степени интегрированы в художественный мир эпоса. Поскольку, таким образом, для бурятской эпической традиции оценка буддийского фактора представляет особый интерес, данное диссертационное исследование посвящено анализу функционирования буддийских элементов и их взаимодействия с шаманско-мифологическими компонентами в западнобурятских версиях Гэсэриады. Системное описание буддийского фактора играет важную роль в изучении механизмов трансляции и трансформации региональных вариантов национального эпоса монгольских народов.

Актуальность темы исследования

Локальная традиционная культура отдельных этнических сообществ в современной фольклористике остается в фокусе актуальных научных исследований. В устно-поэтическом творчестве бурят нашли отражение истоки и закономерности развития народного мировоззрения, что диктует необходимость изучения и дальнейшего осмысления богатого эпического наследия Гэсэриады с акцентом на детальный анализ ее локальных

вариантов. Повышенное внимание общества к фольклорному наследию как отражению национальной идентификации этноса и необходимость изучения региональных фольклорных традиций, являющихся неотъемлемой составляющей духовной культуры народа, также обуславливает актуальность рассматриваемого вопроса.

Анализ буддийского компонента в западнобурятских вариантах Гэсэриады может дать толчок к пониманию и проработке социокультурных аспектов изучения эпического наследия. Освещение характера связи разных сторон духовного развития народа и привлечение результатов исследования к современному видению роли фольклорных памятников в самоидентификации национальностей может помочь в разрешении возникших на сегодня конфликтных ситуаций в общественных кругах Бурятии.

Степень научной разработанности проблемы

Вопросы религиозно-магического пространства Гэсэриады относятся к числу недостаточно изученных тем, однако отдельные аспекты проблемы рассматривались в работах по языку и поэтике эпоса, историко-типологических исследованиях. Крупные научные труды касаются прежде всего проблем генезиса эпосов монгольских народов, сравнительно-сопоставительного анализа художественных систем версий и вариантов Гэсэриады, этнографического описания эпического мира улигеров, а также отражения общих религиозно-магических представлений в эпосе.

Буддийская тема в бурятской Гэсэриаде в той или иной степени затрагивалась в трудах зарубежных и отечественных эпосоведов. Труды Б. Я. Владимирцова¹, С. А. Козина², Н. Н. Поппе³, С. Ю. Неклюдова⁴ посвящены

¹ Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос / Пер., вступ. ст. и прим. Б. Я. Владимирцова. – Пб. – М.: Гос. изд., 1923. – 254 с.

² Козин С.А. Эпос монгольских народов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 248 с.

³ Поппе Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 125 с.
Поппе Н. Н. Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Зап. / Бурят-монгольского ГИЯЛИ. – Улан-Удэ, 1941. – Вып. 5–6. – С. 7–19.

⁴ Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – 310 с.; Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. – М.: Индрик, 2019. – 592 с.

общей проблематике эпоса монгольских народов. Разным аспектам Гэсэриады посвящен целый ряд работ С. Ю. Неклюдова, среди них немало внимания уделено бурятским вариантам сказания. Исследователи отмечают самобытность бурятской Гэсэриады, ее архаичность и поверхностность буддийского влияния.

Теоретико-методологической базой исследования стали труды В. Я. Проппа⁵, Е. М. Мелетинского⁶, С. Ю. Неклюдова⁷, О. М. Фрейденберг⁸. Среди зарубежных исследований, посвященных генезису сказания, традиционным верованиям и мифологическим представлениям монгольских народов необходимо назвать работы Ц. Дамдинсурэна⁹, Л. Лёринца¹⁰, В. Хайссига¹¹, К. Сагастера¹².

В работах бурятских исследователей широко освещаются разные аспекты проблематики эпоса. А. И. Уланов¹³ посвящает ряд работ изучению

⁵ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. – 170 с.; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та., 1996. – 362 с.

⁶ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – 462 с.
Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. – М.: Наука. ГРВЛ, 1979. – 233 с.

⁷ Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С. 195–200; Неклюдов С. Ю. Мотив и текст. Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого (1923–1996) / Отв. ред. М. Толстая. – М.: Индрик, 2004. – С. 236–247; Неклюдов С. Ю. Морфология и семантика эпического мотива в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: к 75-летию акад. Б. Л. Рифтина. – М.: РГГУ, 2010. – С. 185–198.

⁸ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подготовка текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

⁹ Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1957. – 240 с.

¹⁰ Lörincz L. Die Burjatischen Geser Varianten // Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae. T. XXIX. Fasc. 1. – Budapest, 1975. – P. 55–91.
Lörincz L. Die mythische Hintergrund der burjatischen und mongolischen Epen // Die mongolischen Epen. – Wiesbaden, 1979.

¹¹ Heissig W. Die Religionen der Mongolei // G.Tucci, W.Heissig. Die Religionen Tibets und der Mongolei. – Stuttgart-Berlin-Köln-Mainz, 1970.

¹² Sagaster K. On the symbolism in the Mongolian Geser epic // Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. – Улаанбаатар, 1977. – 297–302-р тал.

¹³ Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят. – Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1957. – 172 с.
Уланов А. И. Бурятский героический эпос / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс. науч.-исслед. ин-т. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. – 245 с.
Уланов А. И. Древний фольклор бурят / Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. фил. Бурят. ин-т обществ. наук. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 176 с.

генезиса и исторического развития Гэсэриады, анализу мифологических представлений, народных и религиозных традиций, отраженных в эпосе. Н. О. Шаракшинова, М. П. Хомонов, С. Ш. Чагдуров также занимаются вопросами происхождения Гэсэриады, рассматривая эпос в качестве богатейшего источника для исследования мифологии и этнографии, духовной культуры бурят. В работах М. И. Тулохонова, Е. О. Хундаевой, Д. А. Бурчиной, Б. С. Дугарова, Л. Ц. Санжеевой представлена информация о дошаманских и шаманских воззрениях в бурятской Гэсэриаде, приводится сопоставление с монгольскими версиями, детально анализируется комплекс сакральных мифологических представлений бурят, а также проводятся антропонимические и топонимические исследования.

Источниковая база исследования

Для решения задач исследования в работе используются тексты западнобурятских версий Гэсэриады: эхирит-булагатской и унгинской. Эхирит-булагатская представлена улигером, записанным от сказителя М. Имегенова, унгинская – опубликованными вариантами П. Петрова, П. Дмитриева, П. Тушемилова, текстом в записи М. Хангалова, изданным в виде подробного пересказа на русском языке¹⁴. Также материалом для исследования послужили рукописные тексты, записанные от унгинских сказителей А. Васильева, П. Степанова, Н. Иванова, Б. Жатухаева, хранящиеся в архивных фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ).

¹⁴ Абай Гэсэр-Хубун: Эпопея: (Эхирит. булагат. вариант) / Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; Вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплекс.НИИ. – Улан-Удэ: [б. и.], 1961. – 231 с.; Абай Гэсэр. Сказитель П. Петров, зап. И. Н. Мадасона. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. – Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. – 314 с.; Гэсэр. Сказитель П. П. Дмитриев, зап. Д. Хилтухин. Подг. к печати А. Уланов, К. Черемисов. Под общей ред. П.И. Хадалова, А.И. Уланова. – Улан-Удэ, 1953. – 163 с.; Абай Гэсэр. Сказитель П. М. Тушемилов, науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступит. статья и послесловие С. Ш. Чагдунова. – Улан-Удэ: Изд. Бурят. госун-та, 2000. – 256 с.; Абай Гэсэр Богдо хан: записано М. Н. Хангаловым от Н. Хангалова и Петкова Тушемилова. Опул. на русском языке // Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина. 1884–1886. Т. II. – Спб., 1893. – С. 44–113; Хангалов М. Н. Собрание сочинений: в 3 томах. / М. Н. Хангалов; Под ред. Г. Н. Румянцева; АН СССР. Сиб. Отд-е. БКНИИ. – Улан-Удэ: БКИ, 1959. – Т. 2. – С. 229–324.

В качестве сравнительного материала привлекаются тексты монгольских эпических произведений – книжной версии монгольской Гэсэриады и хорчинского сказания «Галвын үлгэр»¹⁵. Для иллюстрации своеобразия эхирит-булагатской версии используются примеры из улигеров эхирит-булагатской сказительской традиции – «Еренсей», «Аламжи Мэргэн».

Источники настоящего исследования представляют собой наиболее полные повествования эпоса о Гэсэре. Выбор текстов обусловлен относительной полнотой сюжетного действия, в том числе наличием в них эпизодов, в которых функционируют буддийские элементы. Общее количество анализируемых эпических текстов – 12.

Цель работы заключается в выявлении характера функционирования буддийских элементов в вариантах западнобурятской Гэсэриады.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- определить семантику буддийских персонажей (Будда, лама) и их функции в контексте конкретного эпического сюжета;
- выявить основные мотивы, связанные с буддийскими персонажами;
- провести сравнительный анализ особенностей функционирования буддийских персонажей в разных текстах;
- установить буддийские коннотации в образах центральных персонажей Гэсэра и Хормусты, определить степень их буддийской маркированности;
- выявить роль мотива книги как буддийского атрибута в бурятской эпической традиции;
- охарактеризовать локации «дом», «дворец», «храм» в эпическом пространстве;
- определить функции и место раннебуддийских мифологических элементов в западнобурятской Гэсэриаде.

Объектом диссертационного исследования являются тексты западнобурятских версий Гэсэриады.

¹⁵ Галвын үлгэр // Dulam S., Vacek J. A Mongolian Mythological Text. –Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 2008. – P. 4–77.

Предметом исследования – функционирование буддийских персонажей и мотивов в западнобурятских улигерах о Гэсэре.

Методологические и методические принципы диссертации.

В работе использованы сравнительно-типологический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить общие и специфические характеристики буддийских реалий и персонажей, встречающихся в анализируемых текстах бурятской Гэсэриады. В качестве основного использован сравнительно-типологический метод, который дает возможность выявить типологию эпического нарратива, сопоставить варианты эпических произведений, различающиеся по месту бытования, установить общие образы и идеи. Системный подход позволяет выявить сквозные сюжеты, мотивы, образы и прояснить их функциональную, семантическую и структурную роль в фольклорном тексте.

Для наиболее полного раскрытия характера функционирования буддийских реалий и персонажей в эпическом повествовании в работе мы обращаемся к термину «мотив». Сравнительный анализ фольклорных текстов основывается на теоретических положениях о природе мотива как элементарной единице по отношению к сюжету (А. Н. Веселовский), а также на представлении о дуалистичности понятия «мотив» (дихотомическая теория), зародившегося в работах В. Я. Проппа¹⁶, А. Л. Бема¹⁷, А. И. Белецкого¹⁸ и оформившегося в работах А. Дандеса¹⁹.

Поскольку в отдельной национальной традиции формируется несколько вариантов-воплощений, которые непременно возникают во всяком эпическом сюжете, дополняя основной сюжетобразующий мотив²⁰, то выявление инварианта эпического мотива в сравнительном аспекте позволяет наглядно

¹⁶ Пропп В. Я. Морфология сказки. 2-е изд. – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 170 с.

¹⁷ Бем А. К уяснению историко-литературных понятий // Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук. – Т. 23. Кн. 1. – СПб., 1919. – С. 225–245.

¹⁸ Белецкий А. И. Избранные труды по теории литературы. – М.: Просвещение, 1964. – 478 с.

¹⁹ Dandes A. From etic to emic units in the structural study of Folktales // Journal of American Folklore. – 1962. Vol. 75.

²⁰ Ершова И. В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. – 2017. – № 2 (41). – С. 18.

проследить частотность буддийских элементов и выявить их семантику в составе повторяющихся мотивных конструкций.

В основе анализа лежит теория Е. М. Мелетинского²¹ о предикате (действие), согласно которой именно действие определяет взаимосвязанность и взаимообусловленность составных частей мотива, но предикат, в свою очередь, зависит от аргументов. Значимость персонажа как воплощения семантических признаков, создающих конфликтные ситуации²², выражается в изменении семантики мотива в соответствии с тем, кто выполняет действие, поэтому замена действующего лица (равно как и замена объекта) в некоторой степени влечет за собой изменения на уровне эпизода и далее сюжета²³.

Для анализа материала, в частности непредикативных мотивных конструкций, включающих буддийские элементы, применяется классификация внешне статичных мотивов²⁴, используется понятие о мотиве, имеющем потенциал дальнейшего разворачивания в более крупные единицы текста («квазимотив» С. Ю. Неклюдова)²⁵, а также положения касательно разных сторон феномена мотива и его оппозиций с героем и персонажами, предикатом и актантами, фабулой и сюжетом, хронотопом²⁶.

Научная новизна. Данная работа является первым системным исследованием функционирования буддийских персонажей и реалий в западнобурятской Гэсэриаде. Выявлены и проанализированы ранее не подвергавшиеся специальному изучению персонажи и реалии буддийского

²¹ Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. – М.: Наука, ГРВЛ, 1979. – С. 146.

²² Новик Е. Е. Система персонажей волшебной сказки // Структура волшебной сказки. – М.: РГГУ, 2001. – С. 126.

²³ Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / Подготовка текста и общ. ред. Н. В. Брагинской. – М.: Лабиринт, 1997. – С. 221–223.

²⁴ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура: inmemoiam. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.

²⁵ Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 225.

²⁶ Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. – Новосибирск: ИДМИ, 1999. – 103 с.; Силантьев И. В. Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. – 2002. – С. 32–60; Силантьев И. В. Поэтика мотива. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.; Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.

культы, а также проведена их систематизация и классификация. Впервые в сравнительном аспекте рассмотрены наиболее полные варианты западнобурятской Гэсэриады в контексте центрально-азиатской традиции.

Научно-практическая значимость работы. Специальное исследование проблем функционирования и сравнительной типологии отдельных персонажей в эпосе способствует решению конкретных вопросов художественной системы бурятского эпоса, раскрытию механизмов модификации эпического текста. Материалы диссертации содержат дополнительные сведения для сравнительной фольклористики и могут внести вклад в решение проблем общей типологии фольклора монгольских народов. Результаты, выводы и отдельные положения, выдвинутые в работе, могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях проблем эпоса в контексте изучения закономерностей развития устного народного творчества.

Основные результаты работы могут быть применены при исследовании различных аспектов традиционной культуры монгольских народов, в том числе при написании специальных и обобщающих фольклористических и этнографических работ. Также представленный материал может найти применение при составлении учебно-методических пособий для вузов и общеобразовательных школ, разработке спецкурсов, лекционных и практических занятий по фольклору для гуманитарных факультетов вузов.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы представлены в докладах, изложенных на международных научных конференциях «Глобализация и монгольский мир» в рамках Конвента монголов мира (Улан-Удэ, 2010), «Мир Центральной Азии-4» (Улан-Удэ, 2017), на всероссийской научной конференции «Найдаковские чтения: Бурятия и тюрко-монгольский мир в литературном и фольклорно-мифологическом аспекте» (Улан-Удэ, 2010, 2014, 2018) и других международных и всероссийских научных конференциях (Улан-Удэ, Иркутск, Улан-Батор, Пекин, 2017–2019).

По теме исследования опубликовано 16 статей, 7 из них – в рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационного исследования: «Вестник БГУ. Филология» (2010, 2014, 2017), «Филологические науки» (2017, 2018), «Филология: научные исследования» (2018, 2019).

Диссертация прошла обсуждение на заседании отдела литературоведения и фольклористики ИМБТ СО РАН и рекомендована к защите.

Положения, выносимые на защиту:

1. Буддийские элементы в западнобурятских версиях Гэсэриады в целом отражают представления о буддийской картине мира в широком народном понимании («народный буддизм»).
2. Анализ западнобурятских версий и вариантов свидетельствует о функционировании буддийских реалий на поверхностном семантическом уровне, однако при этом можно констатировать факт последовательной трансформации традиционных персонажей в связи с буддийским фактором.
3. Буддийские персонажи являются посредниками между высшим знанием и активно действующими персонажами эпоса, обладают определенной положительной семантикой. При этом их функции и роли в целом характерны и для шаманских персонажей.
4. Выявлены традиционные эпические мотивы просьбы о помощи, покровительства, в которых функционируют буддийские персонажи. Кроме того, новый для бурятской эпической традиции мотив поклонения является основной формой взаимодействия буддийских персонажей с героями эпоса.
5. В бурятской Гэсэриаде обнаруживаются буддийские элементы, характерные только для бурятской традиции (найжи-лама, книга Майдари).

6. Буддийские элементы, функционирующие в Гэсэриаде в составе неизменной формулы, отличаются трафаретностью и характерны для данной локальной эпической традиции.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, двух приложений.

Объем и структура диссертационного исследования

Общий объем работы – 151 страница, основного текста – 122 страницы, списка источников и литературы – 23 страницы. Список использованных источников и литературы включает 238 наименований. Приложения – 6 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, определена степень ее изученности, сформулированы цели и задачи, охарактеризованы методы, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. Введение содержит обзор научной литературы по вопросам Гэсэриады и исследований, посвященных бурятской эпической традиции.

В **Первой главе** «Устный эпос о Гэсэре в контексте бурятской эпической традиции: буддийский фактор» охарактеризована природа взаимодействия концепций шаманизма и буддизма в поле религиозно-магических представлений монгольских народов, получившая отражение в эпосе; рассмотрена история бытования, фиксации и изучения монгольских и бурятских версий эпоса о Гэсэре в контексте буддийского влияния.

В **Разделе 1.1.** «Распространение буддизма и его влияние на эпическую традицию» дана оценка буддийскому фактору в формировании монгольской и бурятской эпических традиций. Раздел содержит краткий экскурс в историю возникновения буддизма в монгольском мире, описание «уйгурской» и «тибетской» волн распространения буддизма, процесса диффузии буддийских культов в культовую систему шаманизма. Отмечена роль буддийских монастырей в процессе проникновения буддийской культуры в устное народное творчество и монгольскую эпическую традицию, рассмотрен феномен «народного» буддизма (упрощенное понимание буддийского вероучения), наиболее точно отражающий характер взаимодействия шаманской и буддийской религиозных концепций в бурятском эпическом тексте.

В **Разделе 1.2.** «Бурятская Гэсэриада: история бытования и изучения» рассмотрена специфика бурятской эпической традиции, ее близость к мифологическим истокам, отмечена неоднородность влияния на традицию буддийского вероучения; приводятся основные этапы собирания и изучения

эпического наследия бурят. Охарактеризовано значение шаманского культа для западной эпической традиции (сказителями улигеров чаще всего были шаманы), обозначены трудности распространения буддийской религии в западной Бурятии, столкнувшейся с сопротивлением также и православного духовенства. Обосновывается оригинальность и уникальность западнобурятских версий Гэсэриады, обусловленные обогащением сюжетного ядра сказания собственно бурятскими мотивами и сюжетами, ассимиляцией с шаманскими мифологическими воззрениями вкупе со слабым проявлением буддийского влияния.

Во **Второй главе** «Персонажи буддийского культа в западнобурятской Гэсэриаде» рассмотрено функционирование буддийских персонажей в исследуемых вариантах эпоса «Гэсэр», определены основные формы присутствия этих персонажей в эпическом нарративе, выявлены их функции и формы взаимодействия с другими персонажами эпоса, обозначена степень включенности буддийских персонажей в эпический нарратив. Особое внимание уделено выявлению и анализу мотивных конструкций, в которых буддийские персонажи получили реализацию. С точки зрения буддийских коннотаций рассмотрены образы центральных персонажей Гэсэриады – Гэсэра и Хормусты.

В **Разделе 2.1.** «Будда в системе эпических мотивов» анализируется группа номинаций, обозначающих в улигере центральную буддийскую фигуру. В эхирит-булагатской версии персонаж Будда отсутствует. Во всех унгинских текстах определена семантика каждого компонента номинации, установлена степень активности персонажа, которая варьируется от номинально обозначенного статичного до одного из основных покровителей героя. В разделе показано, что в целом Будда не закреплен в сюжетах западнобурятской Гэсэриады, его упоминание в вариантах непоследовательно. Персонаж возводится в ряд высших небожителей искусственно, не выделяется среди других божеств по статусу и даже занимает более низкую ступень в верховной иерархии по сравнению с Хормустой. Его чужеродность, помимо перечисленного, обусловлена

нахождением его за пределами семейно-родовых отношений, на основе которых построена система взаимоотношений практически всех персонажей эпоса, включая мангадхаев.

Будда Шакьямуни действует наряду с шаманскими мифологическими персонажами, с которыми обнаруживает взаимозаменяемость, выполняя схожие функции и роли. Включенность персонажа в повествовательную структуру эпоса определяется во взаимодействии с другими персонажами в рамках традиционных для бурятского эпоса мотивов – просьбы о помощи, благословения, дарения имени – и нового, сугубо буддийского, вероятно, появившегося в Гэсэриаде в связке с буддийскими персонажами, – мотива поклонения.

В **Разделе 2.2.** «Особенности образа ламы» рассмотрено функционирование в вариантах западнобурятской Гэсэриады персонажа, являющегося представителем буддийского вероучения. В эхирит-булагатской версии образ ламы не встречается в тексте улигера в качестве эпического персонажа. Только в запеве упоминается выражение *лабайн үүдэндэ* (букв. ‘у двери ламы’) как один из элементов обряда перед исполнением улигера. Появление образа ламы в унгинских версиях Гэсэриады зафиксировано в сюжетной линии улигера и влечет за собой упоминание буддийских реалий и других буддийских персонажей. В пределах каждого рассматриваемого текста определены функции персонажа, в основном это «советник» или «волшебный помощник», который преимущественно наделен положительной семантикой, обладает магической и провидческой способностью, как правило, заключенной в его постоянном атрибуте – книге. Встречаются случаи расширения сферы влияния персонажа до оказания помощи советом мифологическим божествам. Частично обнаруживается взаимозаменяемость ламы и тэнгри.

Вместе с тем спецификой персонажа является его неоднозначность: помимо мотива просьбы о помощи, персонаж связан с мотивом оборотничества, хитрости. Ламы могут действовать в связке с антагонистом, облик ламы может использоваться врагом, что демонстрирует его неполную

адаптацию в эпическом повествовании и, соответственно, в восприятии сказителя, транслирующего эпический текст. Мотив оборотничества сближает образ буддийского монаха с образом шамана: так возникает персонаж *лама-найжи*, который является характерным только для бурятской традиции, не имея аналогов в других версиях Гэсэриады.

Анализу центральных персонажей Гэсэриады с акцентом на выявление буддийской семантики посвящен **Раздел 2.3. «Гэсэр и Хормуста: буддийские коннотации»**. В целом образы Гэсэра и Хормусты не имеют ярко выраженной буддийской окраски, однако в эпосе они контактируют с буддийскими персонажами и элементами. В эхирит-булагатской версии встречается лишь два подобных примера. Гэсэр обладает священными книгами, одна из которых имеет желтый цвет и носит имя *Майдари*, анализ указывает на буддийский характер этого предмета. Определенную роль во внесении «буддийского компонента» в характеристику Гэсэра играет наличие в составе имени героя буддийского эпитета *богдо*, характерное для некоторых бурятских вариантов. Кроме того, Гэсэр как персонаж дополнительно получает буддийскую окрашенность, отраженную в имени его сына – *Ошор Богдо*, в составе которого слово *ошор* переводится как ‘священная ваджра’.

В унгинской версии Гэсэр неоднократно взывает к Будде, перечисляя его в ряду других небожителей. Он проявляет уважительное отношение к Будде и ламе и демонстрирует определенную зависимость от их действий и решений. Хормуста представляет собой уникальный эпический образ, который благодаря особой пластичности и подвижности закрепился в эпосе, заняв место верховного тэнгри, главы западных небожителей и в большинстве вариантов исполняя роль небесного отца Гэсэра. В эхирит-булагатской версии образ Хормусты не устоявшийся: Гэсэр отцом называет то Хормусту, то Эсэгэ Малана, то Хухэдэй Мэргэна. В некоторых вариантах унгинской версии в ведении Хормусты находятся буддийские персонажи Будда и лама, в других – Хормуста поклоняется им. В одном из унгинских вариантов реализуется буддийский мотив сострадания: Хан Тюрмас сбрасывает противника вниз живым, следуя положению из книги судьбы о

том, что нельзя убивать живое существо. Гэсэр и Хормуста, поклоняясь изображениям бурханов, обращаясь за советом и помощью к ламам, а также взаимодействуя с Буддой, ведут себя как последователи буддийской религии. В отдельных вариантах унгинской версии дополнительные буддийские коннотации обоим персонажам придает мотив возведения дворцов (Гэсэр) и мотив описания жилища (Хормуста).

В **Третьей главе** «Роль буддийских мотивов в эпическом повествовании» выявлены буддийские элементы в составе мотивных конструкций эпического текста, в каждом случае определена их степень устойчивости, показаны взаимодействие и взаимосвязь с буддийскими персонажами в рамках анализируемых текстов.

В **Разделе 3.1.** «Буддийские элементы в описании жилища» рассматриваются развернутые описания дворцов и построек, обнаруживающие общие черты во всех вариантах западнобурятской Гэсэриады, в том числе в эхирит-булагатской версии. Постоянные эпитеты дворцовых построек – *тэбхэр* (квадратный), *сагаан* (белый), указывают на признаки, характерные и для буддийских религиозных строений. Вместе с тем в эхирит-булагатской версии описание пышных дворцов насыщено элементами архитектуры церквей, что, несомненно, отражает особенности исторического развития региона. Мотив жилища в текстах унгинской Гэсэриады в общих чертах соотносится с этнографическими описаниями дацанов (наличие изгороди, многоэтажность) и вполне определенно участвует в создании повествовательного фона с буддийским акцентом.

В унгинских вариантах встречается также мотив собственно дацана, который персонажи эпоса видят либо во сне – эпизод с «доказательством» подлинности псевдоламы, в которого оборачивается антагонист Гэсэра, либо в состоянии камлания – эпизод с обращением шаманки, извещающей тэнгри о несчастьях на земле. Анализ показывает, что в эпизодах с участием мотива дацана наглядно происходит контаминация буддийских и шаманских элементов (мотив камлания, мотив жаворонка – «волшебной шаманской

птицы»), что еще раз высвечивает сложное переплетение и синкретизм ритуально-магических представлений в улигере.

В Разделе 3.2. «Мотив священной книги *ном*» исследование роли, семантики и особенностей функционирования мотива священной книги в западнобурятских версиях Гэсэриады с учетом семантического контекста бурятской традиции показывает, что этот знаковый предмет письменной культуры, органично вписавшийся в сакральную характеристику эпического мира и ставший неотъемлемой частью повествовательной структуры бурятских улигеров, также можно отнести к ряду буддийских мотивов в эпосе.

В улигерах унгинской традиции белая/желтая книга служит положительным персонажам (Гэсэр, Манзан Гурмэ и др.), а также фигурирует в руках буддийских персонажей, являясь их постоянным атрибутом. К черной магической книге (*хара дорлиг ном*) в исключительных случаях обращаются антагонисты героя. Существование мотива *хара ном* (черная книга), по всей вероятности, отражающего факт реально существовавших «шаманских» книжек на тибетском и монгольском языках, содержавших обрядовые тексты, дополнительно подкрепляет буддийскую коннотацию мотива *шара ном* (желтая книга). В одном из вариантов наличие книжных тэнгри является доказательством духовной мощи каждого из двух противоборствующих небесных кланов, а спор за право присоединения в свои ряды срединного тэнгри, также обладающего книгой, носит принципиальный характер, свидетельствуя о статусе священной книги *ном*. В вариантах унгинской версии основная функция книги определяется как информационная: получение знания о способах одоления врага, поступление сигнала об опасности, толкование произошедшего, предсказание будущего – однако встречается и другой аспект применения: Гэсэр читает книгу в минуты душевного расположения (гедонистическая или рекреационная функция).

В эхирит-булагатской версии книга обозначается заимствованием из русского языка *хэнииг*, *хэниига* и является сокровенной частью физического

тела героя: Гэсэр хранит священный предмет внутри себя, в нужные моменты извлекая ее из своей печени / изо лба. После разговора книга просит поскорее спрятать, скрыть ее от других глаз. Книга вбирает в себя функции одушевленного персонажа: представляет собой собеседника, способного вести диалог, практически всезнающего, но не застрахованного от ошибки (эпизод с предательством *Гагурай Ногон духэй*). Способность говорить и давать советы сближает этот атрибут с образом волшебного помощника и советника, сюжетные повороты подтверждают полноценное участие книги в эпическом действии (сюжетообразующий потенциал мотива). Установлено, что мотив желтой книги Майдари, характерный для всей эхирит-булагатской эпической традиции, отличается трафаретностью и формульностью.

В Разделе 3.3. «Раннебуддийские мифологические мотивы» показано, что в архаичной мотивной основе бурятской Гэсэриады сохранились компоненты, восходящие к древнеиндийской мифологии, пришедшие в бурятскую традицию вместе с монгольско-тибетским ядром сюжета. При всем различии версий в эпическом мире бурятского улигера обнаруживают устойчивость объекты сакральной географии эпического пространства *гора Меру / Сумеру, Молочное море*, космогонические понятия *замби* (в значении 'срединный мир людей', 'Вселенная'), *кальпа* (в значении 'начальное состояние Вселенной'), а также мифологические существа – демон *Раху*, адаптированный как «черный дьявол Архан», и птица *Гаруда* в виде гигантской птицы под разными именами.

Мотив Мировой горы присутствует не только в зачине, но и в эпическом действии, тесно переплетаясь с другими традиционными мотивами, соединяясь с культом гор, существовавшим у монгольских народов с глубокой древности. Во многих случаях гора Сумеру предстает как пристанище буддийских персонажей и место для совершения таинства (наречение новым именем, жертвоприношение, благословение). Таким образом архаичный раннебуддийский мотив оказывается напрямую связан с остальными буддийскими элементами Гэсэриады более позднего, по всей видимости, появления.

В **Заключении** излагаются выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

Установлено, что буддийские элементы присутствуют в повествовательной канве западнобурятской Гэсэриады на поверхностном семантическом уровне, отражая самые элементарные сведения о буддизме в представлениях бурят («народный» буддизм), демонстрируя нестабильность и подвижность в эпическом тексте (в том числе взаимозаменяемость буддийских и шаманских персонажей), что свидетельствует о наслоении на исходную мифологическую основу.

Выявлено, что с буддийскими персонажами (Будда и лама) связаны традиционные мотивы просьбы о помощи и покровительства и новый для эпической традиции бурят мотив поклонения.

Определено, что в эпическом повествовании присутствуют элементы, создающие неконцентрированный, рассеянный буддийский мотивный фон. Таковы мотивы книги, жилища, некоторые космогонические понятия и образы мифологических существ.

Перспективами дальнейшего исследования темы является расширение рамок сравнительно-сопоставительного анализа версий Гэсэриады с точки зрения буддийского влияния. Кроме того, без понимания особенностей бурятской Гэсэриады сложно представить общую картину трансформации и сохранности сюжета эпоса в разных регионах центральноазиатского мира. Характеристика функционирования буддийских мотивов и персонажей в западнобурятской Гэсэриаде может внести определенный вклад как в исследование религиозных воззрений в фольклоре монгольских народов, так и в прояснение вопросов генезиса, распространения и трансформации эпического текста.

Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Цыдыпова Э.Б. Персонажи буддийского культа в унгинской версии Гэсэриады // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – Вып. 10. – С. 248–251.
2. Аюшеева Э.Б. Ном – священная книга в бурятской Гэсэриаде // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 10-4. – С. 152–157.
3. Аюшеева Э.Б. Мотив просьбы о помощи в эпосах монгольских народов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. – № 5(71): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 10–12.
4. Аюшеева Э.Б. Образ буддийского божества в эпосе «Галвын үлгэр» («Сказание о кальпе») // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. – Вып. 6. – С. 201–209.
5. Аюшеева Э.Б. Буддийский персонаж и трансформация мотива в бурятской Гэсэриаде // Филология: научные исследования. 2018. – № 4. – С. 334–340.
6. Аюшеева Э.Б. Особенности образа ламы в бурятской Гэсэриаде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 12. – Ч. 2. – С. 222–226.
7. Аюшеева Э.Б. Будда и его функционирование в бурятской Гэсэриаде // Филология: научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 194–199.